

В.А. Мишланов, В.А. Салимовский
Пермский государственный университет

К теоретическим основаниям судебной лингвистики

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы теории судебной лингвистической экспертизы. Обосновывается необходимость концептуальной и методологической ориентации юридической лингвистики на те лингвистические теории, которые сосредоточивают внимание на изучении закономерностей функционирования языка в различных коммуникативных условиях. Показано, что для решения прикладных задач судебной лингвистики целесообразно опираться на принципы и методы таких лингвистических направлений, как функциональная грамматика, функциональная стилистика, лингвистическая прагматика, психолингвистика и теория речевой коммуникации.

The article discusses the problems of the theory of the judicial linguistic expertise. It is substantiated the need for conceptual and methodological orientation of the judicial linguistics to the linguistic theories, which focus on the study of the language functioning in different communicative conditions. It is shown that for applications to the judicial linguistics is advisable to rely on the principles and methods of linguistic areas, such as functional grammar, functional stylistics, pragmatics, psycholinguistics and theory of speech communication.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, функциональная грамматика, функциональная стилистика, логический анализ языка, лингвистическая прагматика, теория речевой коммуникации.

Judicial linguistic expertise, functional grammar, functional stylistics, logical analysis of natural language, pragmatics, theory of speech communication.

УДК: 801.73.

Контактная информация: Пермь, ул. Букирева, 15. ПГУ, филологический факультет. Тел. (3822) 666263. E-mail: mishl@psu.ru, salimovsky@rambler.ru.

Судебная (юридическая) лингвистика – новая прикладная отрасль языкознания, имеющая объектом конфликтогенный текст и принципы его исследования в рамках судебной лингвистической экспертизы. Авторы статьи исходят из положения, что теоретические проблемы языкознания напрямую не входят в область судебной лингвистики, и то, что называют теперь теорией судебной лингвистической экспертизы [Галяшина, 2003, с. 58–59], вряд ли можно сопоставить с другими лингвистическим направлениям как особую научную теорию (как сопоставлены друг с другом, например, структурная лингвистика и психолингвистика, теория речевых актов и социолингвистика).

По справедливому в целом утверждению К.И. Брилева, факты, «выявленные в прикладных исследованиях, не входят в ядро теоретической лингвистики», что «скорее говорит о качестве лингвистической теории, нежели о том, что они (факты) являются только прикладными» [Брилев, 2009, с. 30–31]. Заметим по этому поводу, что теоретическая лингвистика, не ставя специальной целью решение «прикладных проблем», по логике вещей, развивается (призвана развиваться) так, чтобы в сферу ее интересов входили проблемы прикладной лингвистики. Собст-

венно говоря, речь в этом случае должна идти не о проблемах (в эпистемологическом смысле), а о задачах, ибо научные проблемы, очевидно, вообще не могут быть прикладными, как не могут быть прикладными научные факты, т.е. доказанные в рамках какой-либо теории положения.

На наш взгляд, концептуальные основы и эпистемология судебной лингвистики заключены в различных разделах и направлениях современного теоретического языкознания и необходимо лишь выбрать оптимальные концепции. Внимание специалиста в области судебной лингвистической экспертизы в первую очередь должно быть обращено на те направления, которые исследуют закономерности употребления языка в различных сферах деятельности, в различных ситуациях общения. Текст современная лингвистика рассматривает как результат взаимодействия множества разнородных факторов лингвопрагматического, стилистического, психологического, этнокультурного и социокультурного характера, поэтому оптимальная смысловая интерпретация текста (дискурса) может быть осуществлена только при учете всех этих факторов.

Подчеркнем, однако, что на первом месте в этом перечне должны быть все же системно-языковые факторы (языковые формы, существующие в известном смысле до употребления в составе коммуникативных единиц), рассматриваемые при этом в особом аспекте, в особой перспективе – с учетом их функций, точнее, в направлении от функций к средствам. Описанная в таком аспекте языковая система, как известно, получила название *функциональной грамматики* (ТФГ). Она определяется как такая разновидность грамматики, которая «рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантических функций» [ЛЭС, 1990, с. 565].

Воспринимая (интерпретируя) готовый уже текст, мы анализируем языковые формы, стремясь реконструировать семантические структуры, имевшиеся в сознании говорящего, автора текста. Мы как будто идем от формы к значению, но такое представление так же неточно, как и мнение, будто говорящий последовательно идет от значений к формам. Если у говорящего есть возможность выбора языковых форм, то у слушающего есть некоторая свобода семантических интерпретаций. Оба участника коммуникации используют язык как систему форм, обусловленную системой значений (ср.: «Функциональный метод исходит из презумпции функциональной обусловленности языковой формы» [Кибрик, 1982, с. 20]).

Мы полагаем поэтому, что специфика функционального подхода к описанию языковой системы проявляется не столько в том, что в функциональной (и коммуникативной) грамматике реализуется прежде всего принцип «от функций к средствам», сколько в том, что «и при общем для всех типов грамматик направлении описания от средств к функциям (от формы к значению) у функциональной грамматики есть свой предмет – функционирование грамматических единиц (форм и конструкций) и взаимодействующих с ними языковых средств в высказывании. Функционально-грамматическое исследование стремится раскрыть особого рода систему... – систему взаимодействия грамматической формы, лексики и контекста, систему закономерностей и правил функционирования языковых средств, служащих для передачи смысла высказывания» [Бондарко, 1983, с. 3].

Для ФГ определяющим является понятие функционально-семантического поля (ФСП), «дающее системное основание для анализа функций единиц разных уровней стоя языка». ФСП трактуется как «базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и “строевых” лексических, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т.п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [ТФГ, 1987, с. 11]. Но понятие ФСП становится действенным инструментом исследования функционирования языка в том случае, если в теоретических рассуждениях оно будет сопрягаться с речевыми содержательными структурами,

отражающими различные ситуации. Представляется весьма существенным тот факт, что ТФГ как раз и ориентируется на исследование речевых произведений (высказываний, сверхфразовых единств, связных текстов), стремясь раскрыть механизмы реализации функций языковых единиц [ТФГ, 1987, с. 8–12]. Вот почему вариант функциональной грамматики, базирующийся на понятии ФСП, оказывается, на наш взгляд, одним из наиболее действенных и перспективных для разработки общей методологии и частных методик комплексного семантического (по сути, герменевтического) анализа текста.

Значение идей и методов теории ФГ для решения прикладных задач, стоящих перед судебной лингвистикой, рассмотрим на примере наиболее разработанных разделов этой теории – *акциональных ФСП*, в ядре которых локализируются глагольные категории *вида, времени и таксиса*.

Нередко для разрешения документационных споров перед экспертом-лингвистом ставится задача точного определения «темпоральной референции» того или иного фрагмента текста (временных границ и временной соотнесенности описываемых в тексте событий, фактов, правовых норм, законодательных актов и т.д.). С формально-грамматической точки зрения временные значения глагольных словоформ (аорист, имперфект, перфект, презенс и др.) заданы системой языка, так сказать, однолинейно, функциональная же грамматика исходит из того, что в тексте реализуются разнонаправленные временные линии (оси). Так, Н.С. Пospelов, исследуя русский глагол, выделяет два ряда грамматических форм времени, в соответствии с двумя временными линиями, характеризующими речевую коммуникацию: линией субъекта речи (речевой план коммуникации) и линией событий (речевой план информации) [Пospelов, 1966, с. 17].

Временные характеристики предикативных единиц в повествовательном тексте («событийное время») во многом условны, зависят от «перцептивного» времени говорящего (авторской точки зрения). Важно иметь в виду, что «момент речи» здесь – не определенная точка на линии объективного времени (время текстопорождения), а условная и весьма подвижная граница, определяемая творческим поиском, художественными задачами. При этом важнейшее значение приобретает принадлежность текста к определенному функциональному стилю речи и речевому жанру, к тому или иному способу изложения (описанию, повествованию, рассуждению), ориентация автора на «изобразительность» (что характерно для художественных текстов) или «описательность».

Одним из ярких свойств текста, ориентированного на изобразительность, является активное взаимодействие «темпоральных линий», что существенным образом усложняет функциональные характеристики различных глагольных форм, приводит к появлению вторичных значений, системой языка вроде бы не предусмотренных. Общая событийная временная линия выстраивается в художественном и историческом тексте с учетом не столько таксисных, сколько контекстуальных значений видо-временных форм, обусловленных взаимодействием темпоральных линий и динамикой авторского «момента речи».

Таксисные значения, напротив, оказываются существенными при определении временных характеристик высказываний официально-делового текста. Текст документа (например, договора о сотрудничестве, законодательного акта и т.п.) описывает не события, а факты в их причинно-следственных, условных, целевых, временных (временной обусловленности) и иных связях. Авторское присутствие – субъективная модальность, оценки, эмотивность – максимально редуцируется. Здесь нет произвольной временной позиции (временной «точки зрения») составителя документа, нет двух «моментов речи». Поскольку в сверхфразовом единстве и в тексте в целом нет «перцептивной» временной линии, создаваемой автором, «темпоральная референция» высказываний текста официально-делового жанра выявляется с учетом только «речевого плана информации» и одного «момента речи» – абстрактной точки отсчета, за которую принимается «момент» оформле-

ния документа. Переносное употребление времен в этой сфере коммуникации не допускается, видо-временные и таксисные функции глагольных словоформ заданы языковой системой (функционально-семантическими полями акциональных категорий), при этом таксисные значения реализуются в пределах полипредикативных конструкций, а не сверхфразовых единств.

Функциональный подход к языку реализуется и в другом влиятельном лингвистическом направлении, именуемом *функциональной стилистикой*. Литературный язык, как известно, употребляется в различных сферах общения, которые соотносятся с тем или иным видом духовной социокультурной деятельности, например, научной, правовой, художественной. Поэтому функциональные стили обычно классифицируют по признаку единства вида деятельности и формы сознания, выделяя в результате научный, официально-деловой, публицистический, художественный, церковно-религиозный и разговорно-бытовой стили [Кожина, 1993].

К числу важнейших в стилистическом отношении экстралингвистических факторов ученые относят назначение вида деятельности и формы сознания, цель и задачи общения, объективируемый в речи тип мышления, тип содержания речи. Эти явления, вместе с целым рядом других, детерминируют характер речи, т.е. своеобразие стиля. Функциональный стиль можно определить и как способ осуществления текстовой деятельности в той или иной коммуникативной сфере, способ интеграции формальных и содержательных элементов текста в единое целое [Гаузенблас, 1968; Гайда, 1992]. Судебно-лингвистическая практика непременно должна учитывать специфические черты функциональных стилей, т.е. закономерно обусловленные экстралингвистическими факторами их нормативные особенности. В наибольшей мере это относится к публицистическим и официально-деловым текстам, а также разговорно-бытовым высказываниям, поскольку с ними связано большинство судебных споров.

Публицистический стиль «обслуживает» прежде всего сферу политико-идеологических отношений, которые складываются между социальными группами (а в области международной политики – между государствами), взаимодействующими по поводу распределения ресурсов, ценностей, статусов. Столкновение политических интересов разных общественных групп отражается в теле- и радиопередачах, в газетных публикациях, интернет-сообщениях, в публичных выступлениях общественных деятелей и пр. Тематика публицистических текстов охватывает и другие области общественной жизни, представляющие интерес для массового адресата (экономику, культуру, науку, спорт).

Реализация информационно-воздействующей целеустановки автора определяет одну из основных особенностей публицистического стиля – сочетание *экспрессии* и *стандарта* [Костомаров, 2005]. Другая важнейшая стилевая черта публицистики – *социальная оценочность* речи – рациональная и эмоциональная оценочность речи (она может быть и положительной, и отрицательной) являются нормой публицистического стиля.

Высокой употребительностью экспрессивных эмоционально-оценочных средств языка характеризуется и разговорно-бытовой стиль. При экспертизе публицистических и разговорных текстов нужно учитывать, что сами по себе языковые и речевые средства с отрицательной экспрессивно-эмоциональной окраской, как и разговорно-просторечные (даже грубо-просторечные) единицы, не являются показателем нарушения каких-либо административно-правовых норм. С такими нарушениями мы сталкиваемся лишь тогда, когда грубая отрицательная экспрессия направлена на унижение человека, на причинение, как говорят юристы, вреда его чести и достоинству.

Официально-деловой стиль используется в административно-правовой сфере. Назначение права – регламентировать отношения между людьми (организа-

циями, предприятиями, государствами). Отсюда императивность официально-деловых текстов как их важнейшая стилевая черта. Для нас же в плане решения судебно-лингвистических задач особенно значима другая их особенность – точность, не допускающая интолкувания (Л.В. Щерба). Если деловой текст не обладает этим свойством, то объективированные в нем нормы (или решения) оказываются «неработающими», поскольку непонятно (двусмысленно) их содержание.

В каждой коммуникативной сфере существует множество *речевых жанров* – композиционных, тематических и стилистических типов текстов, имеющих свои особые нормы. «Языковые, или функциональные, стили, – отмечал М.М. Бахтин, – есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения» [Бахтин, 1979. с. 241]. Речевые жанры вырабатываются в определенную эпоху в соответствии с конкретными условиями социальной жизни, характеризуются особым оценочным отношением к действительности, выполняют функцию интеграции индивидов в социум, дифференцированы по сферам человеческой деятельности и общения.

Объектом судебной лингвистики, как правило, становятся те речевые жанры, которые отражают конфликтные межличностные или социальные отношения, например, *ссора* в бытовой сфере, оценочно-критические («разоблачительные») выступления в СМИ, в том числе *фельетон, памфлет*, публичные заявления на собраниях в трудовом коллективе и пр. При этом нужно иметь в виду, что далеко не все речевые действия, наносящие ущерб интересам того или иного лица, являются нарушением административных или правовых норм. Они могут быть как обоснованными и корректными, так и оскорбительными, циничными, клеветническими. Однако следует учитывать, что понятия «оскорбление», «клевета» имеют разное содержание в бытовом и в юридическом (правовом) сознании: не все, что кажется истцу оскорбительным, умаляющим его честь и достоинство может быть признано таковым с правовой точки зрения. Задача лингвиста-эксперта – интерпретировать языковую форму и смысловое содержание высказываний (текстов), точно охарактеризовать те или иные речевые факты в отношении их семантики, смысла и стилистической окраски.

Жанроведение, наряду с теорией речевых актов и лингвистической прагматикой, дает возможность эффективно решать идентификационные задачи судебной лингвистической экспертизы, направленные на определение истинных коммуникативных целеустановок того или иного текста СМИ (информации, рекламы, пропаганды и агитации и др.).

Во второй половине прошлого века новый импульс развития получило *логическое направление* в языкознании. Это было обусловлено осознанием того факта, что для адекватного описания смысла языковых выражений необходимо принимать во внимание не только то, что соответствует традиционным понятиям логической семантики (*сигнификат, денотат, референт*), но и «коммуникативный аспект речи, прагматические условия коммуникации... и связанный с ними субъективный фактор» [ЛЭС, 1990, с. 275].

В современном отечественном языкознании логическое направление представлено серией исследований, объединенных рубрикой «Логический анализ языка» [см.: Арутюнова, 1988; Степанов, 1981; Падучева, 1985 и др.]. Основная задача этих исследований заключается в поиске ответа на вопрос, что соответствует языковому выражению в действительном мире (если оно имеет соответствие в реальности) или в некоторой модели мира, в некотором ментальном образе. Реконструкция смысла фразы естественного языка предполагает, во-первых, выделение *объективного компонента содержания* высказывания, несущего информацию о некоторой фрагменте действительности (о ситуации, событии), а во-вторых, описание субъективных компонентов семантики – модуса, *ego*-смыслов.

Подчеркнем, что анализ пропозиционального компонента не дает возможности полностью раскрыть смысл высказывания, поскольку оно выражает и модус-

ные смыслы (информацию о внутреннем состоянии говорящего, его отношении к собственному высказыванию, к ситуации, к собеседнику и т.п.), и конвенциональные (прагматические) импликатуры [Грайс, 1985]. Принимая во внимание все эти компоненты значения, лингвист входит в особую исследовательскую область, называемую *лингвистической прагматикой*. Ее предметом становятся отношения между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом (дискурсивном) пространстве, для характеристики которого важны конкретные указания на место и время речевого взаимодействия, мотивы и интенции говорения, коммуникативные цели и др.

Итак, любой текст содержит *эксплицитные* компоненты смысла, которые составляют пропозициональную структуру высказывания и выражают модусные значения (отношение говорящего), и *имплицитные* компоненты (импликатуры), играющие значительную роль в восприятии и понимании высказывания и текста в целом. Особую роль импликатуры играют при порождении и восприятии текстов средств массовой информации, так как позволяют передавать определенные смыслы, так сказать, «безответственно». Однако такие тексты предоставляют большой простор для толкований, «предлагая» интерпретатору множество импликатур [Голованова, 2006]. Сложность состоит в том, что адресат любого критического, любого отрицательно-оценочного высказывания обычно болезненно реагирует на него, находя оскорбительными, унижающими достоинство и такие выражения, которые в действительности таковыми не являются.

Как известно, в основе имплицирования дополнительных смыслов лежит два основных психологических механизма: *следование* и *пресуппозиция*. Так как названные механизмы «срабатывают», как правило, автоматически, они нередко используются для порождения текстов с «косвенной клеветой», или *тексты-инсинуации* (от лат. *insinuae* ‘пролезать, прокрадываться’); ср.: *Может быть, теперь... мистер Марк Твен соизволит разъяснить, при каких обстоятельствах он был уличен в нарушении присяги?* (вопросительное суждение опирается на ложную пресуппозицию ‘Мистер Марк Твен был уличен в нарушении присяги’).

Если под оскорблением понимать только такую отрицательную оценку, которая выражается в неприличной форме, имплицитные смыслы не могут быть основанием для юридической квалификации текста как оскорбительного (даже если доказано наличие в тексте импликатур, которые могут показаться кому-либо обидными). Проблема, однако, состоит в том, что не выраженные явным образом смыслы в действительности могут воздействовать на человека таким образом, что он ощущает себя глубоко оскорбленным и переносит нравственные страдания.

Несомненно, немалое значение для теории судебной лингвистической экспертизы имеет *психолингвистика* и – шире – *теория речевой деятельности*. Дальнейшие исследования в этой области показали, что означенная теория, распадается на две взаимосвязанные научные дисциплины – на собственно психолингвистику и *теорию речевой коммуникации*. «Компетенция психолингвистики – это исследование внутренних, психофизиологических условий порождения и восприятия речевого высказывания. Теория речевой коммуникации занимается психосоциальными условиями порождения и восприятия речевого высказывания» [Тарасов, 1979, с. 31].

С теорией речевой коммуникации и психолингвистикой немало точек соприкосновения имеет *теория речевых актов*, в которой речь осмысливается и описывается как некоторое целенаправленное, целесообразное действие. «Теория речевых актов характеризуется максимальным сужением объекта исследования по сравнению с другими теориями» [Кобозева, 1986, с. 11]. Поскольку в центре внимания оказывается сам речевой акт (речевое действие), он описывается не столько со стороны языка (системы языковых средств, имеющих в распоряжении абстрактного говорящего), не столько как *локуция*, сколько под углом зрения его целей (*иллокутивных сил*), как *иллокутивный акт*, и *перлокутивных* результатов,

в том числе и коммуникативных неудач. Эту ограниченность объекта исследований нередко даже ставят в вину последователям Дж. Остина, но, надо полагать, представители теории речевых актов сделали свой выбор сознательно, и именно это позволило им добиться важных результатов. Подчеркнем также, что это обстоятельство делает теорию речевых актов вполне совместимой с более общими теориями языка и речевой деятельности. «Не случайно, что концепции речевой деятельности, имеющие более широкий диапазон, когда рассуждают о минимальных единицах речевой деятельности, заимствуют многие понятия, выработанные в теории речевых актов» [Кобозева, 1986, с. 11].

Концепции как психолингвистики, так и теории речевой коммуникации и теории речевых актов должны занять весьма важное место в теоретической базе судебной лингвистики. Сферы приложения психолингвистики – установление авторства текста; получение информации о категориальных признаках автора – его возрасте, поле, принадлежности к той или иной социальной группе, о его родном языке, происхождении из определенного региона; анализ эмоционального состояния субъекта речи на основе произведенного им текста и др. [Леонтьев, 2005]. Отметим также, что психолингвистические методики анализа восприятия текста читателями (слушателями) помогают правильно квалифицировать в судебном процессе то или иное речевое действие. Например, если экспериментальные данные свидетельствуют о том, что содержащиеся в тексте высказывания понимаются его читателями как представляющие истца нарушающим моральные нормы, совершающим антисоциальные поступки, то при отсутствии у ответчика доказательств истинности его утверждений (независимо от того, как он объяснит цель этих высказываний и вкладываемый в них смысл), суд сможет квалифицировать их как причиняющие истцу моральный вред.

Что касается значения для судебной лингвистики теории речевой коммуникации, то оно видится прежде всего в том, что эта концепция объясняет особенности текста обусловленностью социально-психологическими факторами, в том числе актуализацией личностью в ее речевой деятельности объективных («безличных») социальных отношений и ролей. Изучается, таким образом, фундаментальная проблема объективной детерминированности высказываний, выдвигаемая во главу угла представителями некоторых направлений дискурсивного анализа. Но если в трактовке этой проблемы человек нередко устраняется из исследования [см., например: Фуко, 1996] и, кроме того, для методологической строгости анализа вводится запрет на использование сложившихся в науке категорий – таких, как текст, литература, идеология, религия и под., то теория речевой коммуникации обращена именно к личностям общающихся и к их речевому поведению, изучаемому конкретно-научными (психологическими и социологическими) методами, а потому объект этой теории весьма близок к объекту судебной лингвистики.

Завершая краткий обзор лингвистических теорий, имеющих методологическое значение для судебной лингвистики, вновь обратимся к концепциям, фокусирующим внимание на системно-языковых отношениях. Н.Д. Арутюнова, перечисляя изменения, определившие приоритеты синтаксиса во второй половине XX века, пишет, в частности, о «переключении внимания от объективных характеристик предложения к субъективной интерпретации высказывания... от статического синтаксиса к динамическому» [ЛЭС, 1990, с. 450, 451]. Не имея здесь возможности подробно охарактеризовать динамический синтаксис, подчеркнем главное: деривационный анализ предложения, опирающийся на методы внутренней реконструкции и предполагающий обращение к процессам текстопорождения, позволяет описать любые синтаксические конструкции, фиксируемые в речи, как закономерный результат функционирования (и развития) синтаксической системы языка (подробней о динамическом подходе в синтаксисе см.: [Мишланов, 2010]).

Когда утверждают, что лингвист-эксперт, исследуя тот или иной конфликтный текст, вообще не вправе ставить задачу определить, что хотел сказать говорящий, но может лишь ответить на вопрос, что он сказал, исходят из презумпции фатального несовпадения интенций говорящего и перлокутивных эффектов. В действительности это не так, и лингвист может рассчитывать на успех в изучении интенций говорящего, его речевых тактик и стратегий, его коммуникативных удач и ошибок.

Если мы утверждаем, что грамматическая природа того или иного типа предложения может быть адекватно описана лишь при учете деривационных и генетических процессов, то тем более это справедливо применительно к семантике синтаксических конструкций. Смысл предложения-высказывания и отдельных его компонентов может быть раскрыт только с учетом деривационной истории предложения в составе конкретного текста и ситуации общения. Если говорящий искренне заинтересован в том, чтобы его правильно поняли, то, порождая текст, он должен следовать определенным правилам, которые учитывает и слушающий. Конечно, слушающий не обязан осознавать, как он действует, воспринимая текст, он его просто понимает определенным образом. Осознать эти действия и описать их (смоделировать) и тем самым объективировать семантические реконструкции (например, в целях судебно-лингвистического исследования) – прерогатива лингвиста.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237–280.
- Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009.
- Гайда Ст. Стилистика и генология // Статус стилистики в современном языкознании. Пермь, 1992. С. 26–33.
- Галяшина Е.И. Понятийные основы судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. Материалы межрегионального научно-практического семинара: В 2 ч. Ч. 2. М., 2003. С. 48–64.
- Гаузенблас К. К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 69–75.
- Голованова А.В. Анализ оценочной модальности при проведении лингвистической экспертизы // Юрислингвистика 7: Язык как феномен правовой коммуникации. Барнаул, 2006. С. 185–191.
- Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. С. 217–237.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Кибрик А.Е. Проблемы синтаксических отношений в универсальной грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XI. С. 5–36.
- Кобозева И.М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII. Теория речевых актов. С. 7–21.
- Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1993.
- Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М., 2005.
- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 2005.

Мишланов В.А. К типологии сложного предложения: структурно-семантические особенности изъяснительных конструкций // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2 (8). С. 52–59.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

Поспелов Н.С. О двух рядах грамматических форм времени в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1966. № 2. С. 17–29.

Солганик Г.Я. Лексика газеты. М., 1981.

Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М., 2004.

Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979. С. 5–147.

ТФГ – Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.